

## СИМВОЛИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ 1917 ГОДА

УДК 080:94(470.5)

doi 10.17072/2219-3111-2018-1-149-158

### КУЛЬТУРНЫЙ ДОСУГ РЕВОЛЮЦИИ: ПЕРМЬ, 1917 ГОД

**В. В. Устюгова**Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15  
vera\_ust@list.ru

Культурный досуг в провинциальной Перми 1917 г. рассматривается как отражение современных процессов. В поле зрения оказались темы «культурной модернизации». На рубеже XIX и XX вв., вошедшем в европейскую историю под разными названиями – *Fin de siècle*, *Belle Époque*, *Art Nouveau*, *Серебряный век*, спектр способов репрезентации современности расширяется. Это начальное образование, публичные церемонии, ежедневные газеты, выставки технологий и произведений искусства, современные романы, кинематограф, театры-варьете и пр. Вместе с тем увеличивается число потребителей «прогресса», у которых появляются время и деньги, а общедоступные развлечения разыгрывают социальное воображение. После Февраля масса хлынула в музеи и театры, и реальность революции не способствовала росту качества театральных и цирковых постановок. Вкусовые предпочтения взыскательной публики были связаны с классическим или модернистским искусством, новыми видами спорта, клубными формами досуга. Провинция жила в 1917 г. в разных темпоральностях: в одном времени в летнем саду проходили футбольные матчи и на Каме организовывали парусные гонки, в другом – в кинотеатрах шли фильмы «Гришка Распутин», «Позор дома Романовых», выступавшие симулякром «вольницы». Кинематограф явился чутким индикатором революции. Фильмы о «темных силах» царизма с жадностью поглощались «восставшей массой». Над русским же психологическим кино тяготел рок. Городская культура оказалась в 1917 г. в ситуации турбулентности. Транзитом выступали современное искусство, новые виды городского досуга, однако инерционный сценарий разрушался под натиском архаизирующих масс.

*Ключевые слова:* Русская революция 1917 г., модернизм, урбанизация, досуг, массовая культура, кинематограф.

«С этимологии имеет смысл начать и поиск жеста революции, – пишет Ю. Г. Цивьян в книге «На подступах к карпалистике». – Согласно словарю, слово “революция” произошло от латинского “revolution” – круговорот. Эйзенштейн бы добавил, что это слово – такое же ископаемое, как и “отвращение”: в нем явственно просвечивает породивший понятие вращательный жест. Если слово “отвращение” сохранило в себе отпечаток отворота, то в слове “революция” отпечатался жест поворота, переворота – “переверни картинку”. Трамвай на рельсах, говорил о композиции кадра Эйзенштейн, – это транспортное средство, а трамвай на боку – уже баррикада» [Цивьян, 2010, с. 163].

«Революция по-русски – это когда все бесконечно митингуют и никто ничего не делает»; «Разруха не в клозетах, а в головах»; «Стоят за свободную личность. – Значит, будут грабить» – эти и другие выражения характеризуют происходившее во время русской революции. «Трамвай на боку» является метафорическим высказываем, жестом революции, круговорота. Перевернутый авангардистом холст или поставленная механиком в обратной проекции киноплёнка позволяет определить ход времени и устройство мира в умах современников. В центре внимания настоящей статьи – культурный досуг губернской Перми 1917 г., рассматривающийся как отражение современных процессов, дающий возможность увидеть «в малом».

Теория множественных модерностей актуализирует культурно-историческое измерение, традиционность и модернизм не исключают друг друга, а предполагают разнообразие культурных форм и трансформаций. Наряду с высоким искусством, классическим и авангардным, возник «серебряный век» простонародья. Благодаря появлению в модернизационном дискурсе категории свободного времени, времени отдыха сближались временные алгоритмы жизни горожан, стирались сословные различия в спросе на развлечения, появлялись современные европейские досуговые

практики, распространялись рыночные, коммерчески успешные формы массовой культуры. В провинциальной культуре в «историческом году» пересеклись силы инерции и общий энтузиазм революции, европейские ценности *Belle Époque* и декадентский «конец века», интересы элиты и воля большинства, социальное и частное, патриархальность и эмансипация, энергия созидания и психология дежа, насилия, агрессии. В 1917 г. эти векторы закрутились на «взвихренной» поверхности.

Западная историография дореволюционной российской модерности включают работы о низших слоях, потреблении, эмоциях, питейной культуре (Cultures in Flux, 1994; Phillips, 2000; Swift, 2002; McReynolds, 2003). Отечественных историков, искусствоведов, киноведов привлекает индустрия досуга, история развлекательной культуры, кино, цирка [Гинзбург, 1963, 2007; Зоркая, 1976; Дмитриев, 1977; Некрылова, 1988, 2004; Цивьян, 1991; 2010; Листов, 1995; Уварова, 2004]. Культура досуга разрабатывается в рамках истории повседневной жизни городов. Особо хочется упомянуть книги С. Ю. Малышевой о времени отдыха и досуговом пространстве российского города на примере Казани [Малышева, 2011], работы и публичные выступления Ю.Б. Демиденко, касающиеся повседневности 1917 г. [Демиденко, 2011, 2017]. Продолжает поражать своим теоретическим и фактическим материалом книга И.В. Нарского «Жизнь в катастрофе», посвященная уральским будням в годы революции [Нарский, 2001]. Юбилейный год отмечен многочисленными изданиями, в том числе о культуре 1917 г. [Русская революция 1917 г., 2017; Миллер, Черный, 2017].

#### *Ничего не предвещало*

В музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме в 2017 г. были организованы лекции-реконструкции помесечно событий Петрограда столетней давности. Открывал проект Ю. С. Пивоваров, и, освещая события января, он заметил, что ничего особенного в этом месяце нигде не происходило. В газете «Пермская жизнь» традиционная рубрика «Письма о литературе» открывалась строками И. Бунина «И камин затоплю, буду пить. Хорошо бы собаку купить». Примерно так можно охарактеризовать культурную атмосферу губернского города в начале трагического года.

«Нива» предлагала своим читателям сборники сочинений М. Горького, С. Надсона, М. Мамина-Сибиряка, М. де Сервантеса. В местной прессе печатались статьи об У. Уитмене и О. Мирбо. Пермский научно-промышленный музей пополнял фонды новыми картинами, в их числе произведения А. Бенуа. В музее читались публичные лекции, например, состоялась лекция К. А. фон Эссен «Воспоминания о путешествии в Японию». Драматическая антреприза П. П. Медведева ставила в театре классику и «сенсационного» М. Арцыбашева, разыгрывала фарсы из репертуара столичных театров: «Семья Пучковых и собака», «Театр купца Епишкина», «Герои синематографа»; третьим отделением было кабаре. Благодаря тяготению к театрам малых форм и популярному репертуару антреприза П. П. Медведева «имела в Перми небывалый до сего времени материальный успех», «театр все время был переполнен зрителями» (Окончание драматического сезона..., 1917).

В феврале в Пермь приехала оперная антреприза В. А. Морского, спектакли проходили при полных залах, билеты приобретались за неделю вперед. Однако по мнению театрального хроникера это свидетельствовало об «избытке тех “бешеных денег”, которых достаточно и в Перми на фоне общего безденежья и дороговизны». Это высказывание современника интересно не только критическим суждением о провинциальной опере, достигшей «уровня падения, дальше которого идти некуда», но и пронизательным замечанием о чрезвычайно пестром и неожиданном составе публики, «в массе которой совсем не видать прежних опероманов» (Музыкальные заметки, 1917). Пестрая и неожиданная публика появилась в театрах не в результате революции, а задолго до нее, став ее социальным катализатором.

В Перми и губернии продолжали открываться электротeatры. В каждом уездном городе Российской империи жизнь порой сосредоточивалась вокруг кино. М. Булгаков в «Записках юного врача», противопоставляя свое деревенское захолустье уездному центру, замечал: «Первые электрические фонари в сорока верстах, в уездном городе. Там сладкая жизнь. Кинематограф есть, магазины. В то время как воеет и валит снег на полях, на экране, возможно, плывет тростник, качаются пальмы, мигает тропический остров...» (Булгаков, 1983, с. 296).

Согласно документам, относящимся к организации кинотеатров в 1917 г., их открывали лица крестьянского и мещанского сословий, мастера и предприниматели, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества (ГАПК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 54, 75, 77; Оп. 5. Д. 59–61, 63–66). «Ввиду неимения в многолюдном заводе Добрянке, имеющем 10 000 человек населения, какого-либо места увеселения: театра, народного дома, кинематографа и т.п., я решил для услуг местного населения открыть здесь кинематограф», – писал мастерской завода А. Плюснин в своем прошении (ГАПК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 54. Л. 1). Под кинематограф планировалось приспособить здание народного дома в Мотовилихе. В Перми в 1917 г. предполагалось устройство нового электротeatра из двух домов, расположенных по Оханской улице и принадлежащих предпринимателям А. А. Лейну и М. В. Соколовскому.

В электротeatрах наиболее популярными были драмы, салонные, бытовые, уголовные. В выпуске художественных кинолент лидировали фирмы А. Ханжонкова и И. Ермольева. Картины ведущего режиссера ханжонковской фабрики Е. Бауэра олицетворяли в глазах зрителя особый декорационный стиль и поражали исключительной красотой павильонных съемок. Накануне революции русские студии обзавелись вторыми адресами на побережье Черного моря. А. Ханжонков вспоминал, что кинематографисты стремились «заснять наиболее красивые места в окрестностях Ялты – таким образом на экран попали все стильные и оригинальные виллы: Остроумова, Эмира Бухарского, Карагача, Ласточкино гнездо и другие» (Ханжонков, 1937, с. 112). Так, в конце января – начале февраля 1917 г. в кафе-театре «Колибри» при повышенных ценах на билеты показывалась картина Е. Бауэра «Умирающий лебедь». Южное цветение и белоснежные виллы являлись в фильме прекрасным фоном хрупкому и такому же «белоснежному» облику В. Каралли в образе немой балерины, исполняющей хореографическую миниатюру на музыку К. Сен-Санса.

Кроме знаменитых экранизаций русской классики Я. Протазанов в предреволюционные и революционные годы создал фильмы, отмеченные печатью рока, уводящие в область психопатологии и мистики. Неизменным исполнителем в них являлся И. Мозжухин. Самым известным из этих фильмов стал «Сатана ликующий». В Перми также показывались «Пляска смерти», «Прокурор». Мастером бытового жанра на ермольевской кинофабрике был Ч. Сабинский. Зрители губернской столицы видели его картины «Семья купца Суханова», «Тройка скачет, тройка мчится...». Западные исследователи говорят о моральной амбивалентности русских кинодрам, «пустоте в конце» [Hansen, Schliipmann, 1992]. В период краха традиционных ценностей семья не стала убежищем, мелодрамы имели несчастливые концы, не решали конфликтов путем восстановления порядка [McReynolds, 2002, p. 127–151]. Л. МакРейнольдс отмечает, что в этих фильмах страдал образ русского мужчины; слабость буржуазного мужчины создавала тревожную параллель жестокости, которая характеризовала его собратьев из низших слоев. В пермском прокате в начале 1917 г. демонстрировались «разбойничьи» фильмы «Васька Чуркин», «Стенька Разин», «Ганька Босьяк». В то же время авантюрный фильм был связан с возникновением развлекательных жанров детектива, гангстерской саги.

Одна из черт «прекрасной эпохи» – интерес к спорту, захвативший не только аристократические круги. В Перми продолжалась организация детских садов и игр по системе Лесгафта и Фребелевского общества, функционировали общества содействия физическому воспитанию детей и «Светлая юность» (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 19–22). Традиционным местом проведения спортивных мероприятий был велодром в городском саду, на нем устраивались гонки на велосипедах, соревнования атлетов, зимой действовал каток, культивировались лаун-теннис, футбол, крокет, сокольская гимнастика. В 1914 г. возник речной яхт-клуб, и велодром в городском саду был отведен яхт-клубу для «проведения в жизнь» различных видов спорта (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 43–56). В Мотовилихе действовало спортивное общество «Олимпия», которое устраивало зимой 1917 г. на Каме лыжные соревнования, в них принимали участие лыжники от яхт-клуба. Элиты пытались сохранить контроль над клубами, но многие места досуга становись общедоступными, как увеселительные сады и театры.

#### Круговорот

«Бунты в Перми» – таким подзаголовком открывал 1917 год в своем дневнике адвокат М. И. Нагавицын (Дневник М. И. Нагавицына). Во время февральских событий в Петрограде в электротeatрах Перми демонстрировались «Ванька Ключник» и «Похождения Мациста». Когда

был подписан манифест об отречении Николая II, а затем и Михаила, шел фильм по роману Д. Мережковского «Смерть богов». «Дни свободы» в губернском городе были отмечены институциональной активностью, образованием общественных и профессиональных объединений, вплоть до созданных буфетной и домашней прислужкой. В гимназиях устраивались «вечера свободы», школьные праздники проходили с шествиями и лозунгами «Единая, свободная школа», на различных площадках города читались публичные лекции, посвященные парламентаризму, всеобщему избирательному праву. В центре выставки общества любителей живописи, размещенной в залах Кирилло-Мефодиевского училища, большая жанровая картина «10 марта» Б. Ф. Николаева изображала манифестацию свободы в Перми на Сибирской улице 10 марта 1917 г.

Характеризуя культурную жизнь губернского города, мы можем отметить наличие противоположных художественных практик и публичных реакций на происходящие события – от принятия их и «вхождения» до следующих: «Революция? Не слышал». В городском театре продолжались концерты оперных певцов и композиторов, в летнем саду стартовали симфонические концерты, которые будут проходить все лето. Пермское беговое общество собиралось на общее собрание и рассматривало программу предстоящих летних бегов; на спортивном поле яхт-клуба начинались футбольные матчи.

Раньше всех свою интерпретацию революции предложил кинематограф. Оператор А. Лемберг вспоминал, что кинодельцы сразу «переключились на съемку “историко-революционных” фильмов». Вместе с тем «на фоне бесконечных адюльтеров, постельных тайн романовского дома» начала развиваться документальная хроника (*Лемберг*). Съемка политических событий осуществлялась операторами А. Лембергом, И. Фроловым, А. Левицким, П. Новицким, Л. Форестье и др. Реакция на демонстрацию кинохроники свидетельствовала о поляризации в обществе. По воспоминаниям Г. Болтянского, «пока на экране шла художественная картина – “психологическая драма” того времени, все в театре было спокойно. Но стоило появиться хронике, как волнение водворялось в зале. Публика разбивалась на группы, партии. Свистали, кричали, аплодировали, переругивались друг с другом, митинговали и кончали политические дискуссии уже на улице» (*Болтянский*).

Снятые в Москве, Петрограде и частично в провинции события, связанные с Февральской революцией, были собраны в фильм, который, например, в Перми показывался под названием «Великая Русская революция. Снимки Петроградских событий»; как продолжение шли «Похороны жертв революции». Документальный и одновременно художественный фильм «Царь Николай второй, самодержец всероссийский», поставленный в Скобелевском комитете и позиционируемый как «народная трагедия», демонстрировался в театре «Мираж» в последние дни декабря. Весной доминировали фильмы о «темных силах» царизма. О том, как снимался фирмой А. Саввы фильм о Распутине, А. Лемберг вспоминал: «Граф Амори буквально на ходу, во время съемок, сочинял эпизоды из жизни царской семьи. Почти во всех сценах доминирующей фигурой был Распутин. Все сцены снимались в одной и той же декорации, с незначительной перестановкой мебели. ...Еще не заканчивалась съемка одного эпизода, как граф Амори уже на листке бумаги подавал следующий. Каждая снятая сцена немедленно проявлялась и сразу же печатался позитив в нескольких экземплярах. Заснятые эпизоды шли по порядку, монтажницы их склеивали, и через каждые два дня выходила на экраны картина, “разоблачающая” царскую семью» (*Лемберг*).

Сенсационную драму «Григорий Распутин» уже в середине марта анонсировали в Перми сразу два электротeatра – «Колибри» и «Мираж». Пермским исполнительным комитетом фильм к показу был запрещен. Однако волна «разоблачительных» фильмов только нарастала. В апреле и мае показывались «Темные силы. Григорий Распутин и его ставленники» и вторая серия «Темные силы. Царские холопы», затем «Позор дома Романовых», «Торговый дом Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов и К<sup>о</sup>», «Святой черт», «В цепких лапах двуглавого орла». В типовых жанрах авантюрного фильма или сентиментальной мелодрамы снимались картины о народниках и революционном движении «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Бабушка русской революции», «Провокатор» и пр.

Вместе с тем в синемаатографах Перми весной и летом 1917 г. продолжали идти и традиционные детективы: «Скальпированный труп», «Инженер авантюрист», «Темный Петроград». Кинематограф отражал различные политические и эстетические пристрастия аудитории. В то время как массы интересовались революционно-разоблачительными фильмами,

любители европейского кино смотрели «Львицу Парижа» с Эсперией Сантос и Альберто Коло, «Танец зла» и «Месть неаполитанки» с Франческой Бертини. Культурная жизнь развивалась по инерции, «перестановка» осуществлялась на улицах, в публичном пространстве, проявляясь в образовании новых обществ и союзов, митинговой активности. Свой «монтаж» прежних жанров-фаворитов оперативно предложил кинематограф.

*«Пуд крупчатки, 20 фунтов сахара, 2000 папирос»*

Летом 1917 г. в Перми не наблюдалось затишья. Театр отвечал культурным вызовам публики, чередуя «актуальные» пьесы «Григорий Распутин» и «Черные вороны», концерты-митинги и американские лотереи, комедии и кабаре. В августе городской театр оказался центром притяжения модернистского искусства. В начале месяца состоялся «Вечер пластики» – гастролировала исполнительница пластических танцев Тина-Арь, в ее программу вошли «Танец замученной Бельгии» К. Сен-Санса, «Марсельеза», «Молитва матери воина» Ф. Шопена, «Осень» П. Чайковского. В конце месяца были назначены лекции-митинги футуриста В. Каменского, предполагались прения и оформление сцены художником П. И. Субботиным-Пермяком.

На концертах-митингах, спектаклях отмечалось «много солдат и народа». Благотворительные сборы поступали в фонд женского союза, на просветительские цели 107-го пехотного запасного полка (который спустя несколько месяцев устроит в Перми погром). Среди выигрышей в одной из лотерей, проводимой в театре, были «свинья, утки, куры, крупчатка, чернильные приборы, горжеты дамские», в другой лотерее – «сажень дров с доставкой на дом». Гуляния с организацией лотерей устраивались в летнем городском саду, на футбольном поле в Верхней Курье, в саду заимковского клуба. В числе выигрышей были «пуд крупчатки, 20 фунтов сахара, 2000 папирос и литература». В следующей лотерее «литературой» оказались сочинения И. Бунина и М. Метерлинка.

Научно-промышленный музей публиковал статистику посещаемости: в мае в музей побывали 7255 человек, из них 322 интеллигентных мужчин, 286 женщин, 2453 чернорабочих мужчин, 1303 таких женщин, остальными были учащиеся различных учебных заведений. Общее число посетивших музей в июне составило 3509, в июле – 2547 человек (Число посетителей...). Падение посещаемости было связано с летним сезоном, но «низкая» публика также пошла в музей, как она пошла в театры.

Летом в Перми кипела политическая и комитетская жизнь, были организованы рабочие клубы в Суслинском и Стафановском училищах, солдатский клуб в помещении трамвайного парка, студенческий социалистический клуб. А. Тыркова-Вильямс вспоминала, что многие кадетские профессора пользовались исключительной популярностью, но «студенты в профессорскую партию не шли», «гораздо охотнее шли за социалистами» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 502).

Традиционным городским развлечением летом был цирк. В постоянно обновляющейся программе цирка А. Г. Коромыслова было много современных спортивных номеров – фигурные велосипедисты Реамс, дама-стрелок мисс Алекс, арабские прыгуны Лябас и Тютю, японские воздушные гимнасты Сан-Фан, «женщина-бабочка» м-ль Ренэ, «король танго» Фортунатто. Наряду с цирковыми профессионалами выступало множество клоунов, так называемых рыжих, куплетистов, юмористов, в репертуаре которых хватало низкопробных политических частушек.

На фоне «полевения» репертуара общедоступной культуры аполитичным развлечением выглядел спорт, но и в этой области наблюдалась чрезвычайная активность. Все лето 1917 г. в Перми проходили бега, футбольные матчи, парусные гонки. Бега и скачки на ипподроме устраивались обществом коннозаводства, ставки были высоки: в одном июньском забеге «первой лошади 35 руб. и второй 15 руб.». В футбольных матчах принимали участие команды «Яхт-Клуб», «Сокол», «Виктория», «Олимпия», «Маккаби», команды Перми, Мотовилихи, Вятки, Самары. На Каме яхт-клуб организовывал гребные и парусные гонки. Например, 23 июля в парусных гонках приняли участие семь яхт: «Кай», «Крокодил», «Мечта», «Скальд», «Три звездочки», «Фея» и «Чайка». Спорт культивировался в разных местах городского пространства, в летних садах открывались детские площадки.

Таким образом, повышение культурной активности масс сопровождалось характерной для вышестоящих классов адаптацией практик, таких как посещение музеев, театров, спортивных состязаний, однако досуг русской революции все чаще выдвигал лозунг не «зрелищ», а «хлеба».

«Крути, Митька, назад!»

Весь сентябрь и в начале октября 1917 г. на пермском ипподроме продолжали объявляться бега и скачки. В летнем саду проходили состязания по легкой атлетике и футбольные матчи, соревновались сборные команды Перми и Мотовилихи, гимназий и университета. С началом учебного года активизировалась студенческая жизнь, при университете действовали кружки – юридический, литературный, по изучению северного края, шахматный, музыкальный, драматический. Число посетителей музея в сентябре составило 2740 человек, в октябре возросло до 4050.

В городском театре дирекция П. П. Медведева и Н. Л. Мандельштама открыла оперный сезон постановкой «Травиаты». Театральные критики сетовали на бесцветность постановок, замечая, что только Н. В. Каржевин и М. К. Максаков «хороши». Что касается оперы «Кармен», то в ней все гладко, но не было огня, театр переполнен, но аплодировали мало и скупно. В спектакле «Таис» рецензент не нашел «опьяняющей атмосферы страсти, которой дышала Александрия», хотя спектакль поставлен прилично для нынешней оперы. Суровой критике подвергся «Князь Игорь»: «Лубок все, начиная с пролога, балет, статисты, даже игра отдельных персонажей» (Театр и музыка, 1917). Оперные спектакли шли до начала декабря. Труппа уехала в Екатеринбург, откуда в Пермь должна была приехать драматическая труппа с постановками до Великого поста.

В цирке А. Г. Коромылова с африканскими львами и медведями гастролировали укротители А. Фарух и Пашетти, Констант Марлос показывал «поражающий дьявольский полет», выступали гротеск-наездница м-ль Дора, воздушная гимнастка м-ль Антонина. Не было недостатка во всевозможных иллюзионистах, чревовещателях, восточных артистах, которым был посвящен в свое время фельетон Теффи «Факир». Один за другим менялись клоуны – Дидон и его партнер Перри, куплетист Никольский, «известный артист» Саша Сибиряк. О том, что представляли собой эти выступления, можно судить по бенефису директора цирка, «столичного клоуна» Коромылова: «Сегодня Коромылов будет говорить. Шутки, остроты, каламбуры, шарады, анекдоты, скороговорки и проч. Русский хор под управлением Коромылова. В первый раз: большевики против меньшевиков» (Цирк А. Г. Коромылова, 1917). Цирк, который на рубеже веков собрал самую массовую аудиторию благодаря профессионализму и харизме артистов, выполнявших новые спортивные номера и буквально ходивших по канату жизни и смерти, становился площадкой для эстрадных выступлений, выполняя социальный заказ большинства.

В Перми продолжали работать почти все кинотеатры. «Триумф» открыл осенний сезон драмой «Раб земли» с участием короля экрана В. Максимова. Электротeatры делали ставку на громкие имена актеров: «Сегодня Макс Линдер выступает вновь!»; «Сегодня участвует Полонский»; «Сегодня – Мозжухин»; «Сегодня – Гзовская и Гайдаров».

Наряду с ведущими кинофабрикантами в предреволюционные годы выдвинулся Д. Харитонов. Он имел репутацию нувориша. И. Фролов в воспоминаниях писал о том, как предприниматель А. Никитин проиграл свою киноаппаратуру Д. Харитонову и с этого началась его карьера в кино. «Это был невероятный картежник, знали, что играет он нечисто, шулерничает. Таким путем он построил свою кинофабрику и лабораторию при ней» (Фролов). Д. Харитонов являлся владельцем прокатной конторы, обслуживающей весь юг России; принадлежащие ему кинотеатры в Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону считались одними из роскошных в стране. Открытая Д. Харитоновым кинофабрика в Москве за короткий срок стала наиболее прибыльным и масштабным предприятием по производству художественных лент. Владелец его сделал ставку на известные в кинематографии тех лет имена, переманив к себе режиссеров П. Чардынина, В. Висковского, Ч. Сабинского, актеров В. Холодную, В. Полонского, В. Максимова, О. Рунича, И. Худолева, и не скупился на их рекламу.

На экранах Перми весь 1917 г. демонстрировались фильмы фабрики Д. Харитонova: «Чаша запретной любви» по А. Каменскому, «Ради счастья» по С. Пшибышевскому, «Королева мертвых» по сценарию А. Вертинского и др. О ленте «Столичный яд» с участием В. Холодной и В. Полонского «Театральная газета» писала: «Бытовые фигуры заменены масками, реальная обстановка – фантастическими пышными павильонами. Поставлена картина эффектно. Режиссер искусно культивирует тот салонный, напыщенный стиль, которым прославил русский экран г. Бауэр» («Столичный яд»).

В летние месяцы 1917 г. достигла зенита слава В. Холодной. Серия «каминных» кинороманов со всеми любимыми королями экрана и киноштампами былого кино отвечала, как никакие другие киноленты, чаяниям мещанской России. Премьера мелодрамы «У камина» состоялась летом 1917 г.: в Одессе картина демонстрировалась в продолжение 90 дней, в Харькове – 72 дня, и все время были «шалаяпинские» очереди. Продолжение мелодрамы «Позабудь про камин, в нем погасли огни» делает еще большие сборы, хотя и выходит на экран в ноябре 1917 г. В Харькове в театре «Амбир» во время сеанса публика разбила окна, сорвала с петель двери, даже был вызван отряд конных драгун. В пермской прессе встретился анонс фильма «У камина», правда, его премьера теряется в те трагические годы: театры объявляют, что постановка «У камина» «переносится несколько позднее».

После большевистского переворота в Петрограде Пермская городская дума, Революционный комитет, местные комитеты политических партий, губернский крестьянский съезд, Пермский женский союз выступили с резолюциями и воззваниями, осуждающими захват власти накануне созыва Учредительного собрания. «Пьяная революция», «триумфальное шествие погромов», по выражению И. В. Нарского, докатились до Перми. В момент введения военного положения не работали многие учреждения, кинотеатры, цирк, театр. Вскоре стали появляться театральные афиши, цирк уведомлял: «Цирк играет». Электротeatры «Триумф» и «Мираж» возобновили сеансы. 14 ноября военное положение было снято, а с 20 ноября город вновь на «особом положении по охране»: началась организация народной самообороны.

В середине ноября в Перми прошли выборы в Учредительное собрание, и после начала арестов его членов был создан Союз защиты Учредительного собрания. В конце ноября в кинематографе «Мираж» собрание Пермского и Мотовилихинского Советов солдатских и рабочих депутатов высказало доверие ленинскому правительству и постановило захватить власть в Перми. В эти дни город остался без хлеба: «19 и 23-го сего ноября город в буквальном смысле был оставлен без выпеченного хлеба» (Без хлеба, 1917). В декабре власти признали, что продовольственное положение города почти безвыходно, обращаясь к населению за поддержкой.

Тем не менее культурная жизнь в городе не угасала. Цирк привлекал теплым, отапливаемым печами, помещением и «горячими купаниями» в буфете. В цирке гастролировал «король цепей» Сбышко Касьянов. На арене цирка он состязался с местными любителями – председателем Мотовилихинского спортивного клуба Смирновым, спортсменом Лысьвенского завода Константином Колобовым, любителем Петром Морозовым. «Новость! Бой с живым быком. Г. Касьянов в виду его последней гастролы борется с быком. Кто сильнее, бык или Касьянов?»; «В первый раз! Человек под автомобилем. Атлетический номер исполняет Сбышко Касьянов» (Цирк А. Г. Коромыслова, 1917, 15, 17 дек.). Накануне Рождества цирк предлагал праздничное представление, бал-маскарад и «всеобщий кек-уок».

Некоторые магазины продавали елочные украшения и рождественские подарки ручной работы. В синаматографах шли картины с красавицами-итальянками Франческой Бертини и Эсперией Сантос, демонстрировались «Вечный город (Тайны современного Рима)» и «Черный кардинал». Никаких распутиных, как весной, не показывали, лишь ностальгические ленты – «Разрушенный храм» с В. Полонским и «Белеет парус одинокий» с писаной красавицей Н. Кованько.

Ю. Г. Цивьян напоминает, что первые киномеханики иногда пускали ленту в обратном направлении: «...Трюк с обратной проекцией попал в русло интеллектуальной истории рубежа веков и из “забавы зрителей” был скоро переведен в разряд научно-популярных, широко распространенных философских и метафизических метафор» [Цивьян, 2010, с. 165–166]. «Так, на глазах публики, чудесный кинематограф заставляет течь обратно невозвратимую реку Времени» (Койранский, 1907).

А. Аверченко в фельетоне «Фокус великого кино», который вошел в сборник «Дюжина ножей в спину революции», писал о шуршащей в обратную сторону ленте: «Большевистские декреты, как шелуха, облетают со стен, и снова стены домов чисты и нарядны. Во весь опор примчался на автомобиле задним ходом Александр Федорович Керенский. Вернулся?! Крути, Митька, живей! ...Вылетел из царского дворца Распутин и покотил себе в Тюмень. Лента-то ведь обратная. Жизнь все дешевле и дешевле... А вот и ужасная война тает, как куски снега на раскаленной плите... Митька, крути, крути, голубчик!» (Аверченко).

Социальная революция, сопровождающаяся урбанизацией, привела к росту численности потребителей различных видов досуга, популяризации цирка, кинематографа, эстрады. Появление свободного времени, увеличение материальных возможностей горожанина, коммерциализация досуга выступили в числе прочего маркерами модерности. Репрезентация современности в таких формах, как ежедневные газеты, романы, кино, театральные и эстрадные представления, музеи, публичные лекции, имела следствием рост потребностей городской массы. Вместе с тем «восставшая» масса принесла на арену общественной жизни свои ценности. Семечки, которые грызли в электротeatрах и балаганах, оказываются по многочисленным свидетельствам мемуаристов на уличных тротуарах, становятся символом 1917 г.

После Февраля городская культура создает новые формы публичной жизни – концерты-митинги, лекции-митинги, разнообразные комиссии. Разношерстная публика хлынула в театр, который корректирует свой репертуар, ставя бульварных авторов, а также политические пьесы. В моде красный цвет, в революцию идет интеллигенция, принимая участие в организации культурной жизни. Культура переживает в 1917 г. трансформации, отражающие поляризацию общества. Требования взыскательной публики были связаны с развитием классического и модернистского искусства, театральной и танцевальной культуры, новых видов спорта, клубных форм досуга, с изменением качества досугового времени. На одном полюсе оказываются яхт-гонки, на другом – фильмы о Распутине. Кинематограф производил смотр сил революции. Фильмы о «темных силах» царизма выполняли требования «народной воли», ниспровергали старых и возводили на пьедестал новых героев. Декадентский кинематограф, предчувствуя гибель прежних основ жизни, замыкался в салонном мирке, царстве грез и ностальгии. В авангардном искусстве художник есть зачинщик восстания вещей, между тем в повседневности русской революции воображаемое со всех сторон обступала реальность.

#### Список источников

- Аверченко А. Дюжина ножей в спину революции. URL: [http://az.lib.ru/a/awerchenko\\_a\\_t/text\\_0140.shtml](http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/text_0140.shtml) (дата обращения: 5.03.2018).
- Без хлеба // Пермская жизнь. 1917. 23 нояб., № 564.
- Болтынский Г.М. Мемуары о кино // РГАЛИ. Ф. 2057. Оп 1. Ед. хр. 68. Л. 110.
- Булгаков М. Записки юного врача // Булгаков М. Избр. проза. М., 1983. 336 с.
- Дневник М.И. Нагавицына // Пермский краеведческий музей. Отдел фондов, сектор документальных источников, коллекция личных и семейных архивов. Д. 2174. № ПКМ–21295/1.
- Койранский А. Кинтоп // Наш понедельник. 1907. № 38.
- Лемберг А.Г. Страницы прошлого // РГАЛИ. Ф. 3017. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 7–8, 33.
- Музыкальные заметки // Пермская жизнь. 1917. 25 февр., № 360.
- Окончание драматического сезона в городском театре // Пермская жизнь. 1917. 15 февр., № 351.
- «Столичный яд» // Театральная газета. 1917. № 5. С. 16.
- Театр и музыка // Пермский вестник Временного правительства. 1917. 21 сент., № 106; 6 окт., № 118, 19 окт., № 129.
- Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: Б.и., 1998. 560 с.
- Фонд городской управы // ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 19–22, 43–56.
- Фонд губернского правления // ГАПК. Ф. 36. Оп. 4. Д. 54, 75, 77; Оп. 5. Д. 59–61, 65, 63–66.
- Фролов И.С. Полвека с камерой // РГАЛИ. Ф. 2639. Оп 1. Ед. хр. 46. С. 105.
- Цирк А.Г. Коромыслова // Пермская жизнь. 1917. 15 дек., № 581, 17 дек., № 583; 19 дек., № 584.
- Число посетителей музея // Пермская жизнь. 1917. 16 июня, № 439, 8 июля, № 457; 19 авг., № 490.
- Ханжонков А. Первые годы русской кинематографии. М.; Л.: Б.и., 1937. 176 с.

#### Библиографический список

- Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. 404 с.
- Демиденко Ю.Б. Рестораны, трактиры, чайные...: Из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX в. М.: Центрполиграф, 2011. 288 с.



- Демиденко Ю. 17-й год: жизнь обывателя. URL: <http://echo.msk.ru/programs/Diletanti/2017138-echo/> (дата обращения: 5.03.2018).
- Дмитриев Ю.А. Цирк в России: От истоков до 1917. М.: Искусство, 1977. 415 с.
- Зоркая Н.М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900–1910 гг. М.: Наука, 1976. 297 с.
- Листов В.С. Россия. Революция. Кинематограф: К 100-летию мирового кино. М.: Материк, 1995. 172 с.
- Мальшиева С.Ю. Праздный день, досужий вечер: Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX в. М.: Academia, 2011. 192 с.
- Миллер А., Черный Д. Города империи в годы Великой войны и революции: Сб. статей. СПб.: Нестор-История, 2017. 502 с.
- Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 633 с.
- Некрялова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. М.: Искусство, 1988. 213 с.
- Русская революция 1917 г.: власть, общество, культура: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2017. 743 с.
- Уварова Е.Д. Как развлекались в российских столицах. СПб.: Алетейя, 2004. 280 с.
- Цивьян Ю.Г. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России, 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991. 492 с.
- Цивьян Ю.Г. На подступах к карпалистике: движение и жест в литературе, искусстве и кино. М.: Нов. лит. обозрение, 2010. 336 с.
- Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / ed. M.D. Steinberg and S.P. Frank. Princeton: Princeton UP, 1994. 224 p.
- Hansen M. Deadly Scenarios. Narrative Perspective and Sexual Politics in Pre-Revolutionary Russian Film // Cinefocus. 1992. Vol. 2, № 2. P. 10–19.
- McReynolds L. Home Was Never Where the Heart Was. Domestic Dystopias in Russia's Silent Movie Melodramas // Imitations of Life. Two Centuries of Melodrama in Russia / ed. L. McReynolds, J. Neubeiger. Durham: Duke UP, 2002. P. 127–151.
- McReynolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca: Cornell UP, 2003. 320 p.
- Schliipmann H. From Patriarchal Violence to the Aesthetics of Death. Russian Cinema 1909–1919 // Cinefocus. 1992. Vol. 2, № 2.
- Phillips L.L. Bolsheviks and the Bottle: Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900–1929. DeKalb: Northern Illinois UP, 2000. 212 p.
- Swift E.A. Popular Theatre and Society Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 2002. 346 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.11.2017

## CULTURAL LEISURE DURING THE REVOLUTION: PERM, 1917

V. V. Ustyugova

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia  
vera\_ust@list.ru

Cultural leisure in provincial Perm in 1917 is regarded as a reflection of the processes of modernity. Due to the emergence of the category of free time in the modernization discourse, temporal algorithms for citizens' life converged, class differences in the demand for entertainment were erased, modern leisure practices appeared, and commercially successful forms of mass culture developed. Representation of the present in daily newspapers, novels, cinema, variety theaters, exhibitions, public lectures, etc., were accompanied by the growing needs of urban masses. After February, the heterogeneous audience poured into the theaters, which had to correct their repertoire by adding comedies, tabloid authors, and political plays. At the same time, the intelligentsia entered the revolution and took part in institutionalizing new forms of cultural life. In 1917, the culture experienced various transformations, reflecting the polarization of the society. The demands of the discerning public were related with the development of modern art, theatrical and dance culture, new sports, club forms of leisure, etc. In 1917, the province lived in different temporaries: there were football matches in the summer garden and sailing races on the Kama and, at the same time, the

movies “Grishka Rasputin” and “The Shame of the House of the Romanovs” were shown in the cinema. Such movies about the “dark forces” of tsarism fulfilled the requirements of “people’s will”, subverting the old and erecting new heroes. Decadent cinematography, anticipating the death of the old foundations of life, portrayed the salon world and the realm of dreams and nostalgia. The city culture appeared in a situation of turbulence in 1917. Modern art and new types of urban leisure played the role of transition, but the inertial scenario was destroyed under the pressure of the archaizing masses.

*Key words:* the Russian Revolution of 1917, modernity, urbanization, leisure, mass culture, cinematography.

### References

- Demidenko Yu.B. (2011), *Restaurants, taverns, teahouses ...: From the history of public catering in St. Petersburg XVIII - early XX century* [Restorany, traktiry, chaynye...: Iz istorii obshchestvennogo pitaniya v Peterburge XVIII – nachala XX v.], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia, 288 p.
- Demidenko, Yu. (w.d.), *17-y god: zhizn' obyvatel'ya* [The 17th year: the life of the man in the street], available at <http://echo.msk.ru/programs/Diletanti/2017138-echo/> (accessed: 5.03.2018).
- Dmitriev, Yu.A. (1977), *Tsirk v Rossii: Ot istokov do 1917* [The Circus in Russia: From the Origins to 1917], Iskusstvo, Moscow, Russia, 415 p.
- Ginzburg, S.S. (1963), *Kinematografiya dorevolyutsionnoy Rossii* [Cinematography of pre-revolutionary Russia], Iskusstvo, Russia, Moscow, 404 p.
- Hansen, M. (1992), “Deadly Scenarios. Narrative Perspective and Sexual Politics in Pre-Revolutionary Russian Film”, *Cinefocus*, Vol. 2, № 2, pp. 10–19.
- Listov, V.S. (1995), *Rossiya. Revolyutsiya. Kinematograf: K 100-letiyu mirovogo kino* [Russia. Revolution. Cinematography: To the 100th anniversary of world cinema], Materik, Moscow, Russia, 172 p.
- Malysheva, S.Yu. (2011), *Prazdnyy den', dosuzhiy vecher: Kul'tura dosuga rossiyskogo provintsial'nogo goroda vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Holiday day, leisurely evening: Culture of leisure of the Russian provincial city of the second half of the 19<sup>th</sup> - early 20<sup>th</sup> century], Academia, Moscow, Russia, 192 p.
- McReynolds, L. (2002), “Home Was Never Where the Heart Was. Domestic Dystopias in Russia’s Silent Movie Melodramas”, in McReynolds, L. & J. Neubeiger (eds.), *Imitations of Life. Two Centuries of Melodrama in Russia*, Duke UP, Durham, UK, pp. 127–151.
- McReynolds, L. (2003), *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*, Cornell UP, Ithaca, USA, 320 p.
- Miller, A. & D. Chernyy (2017), *Goroda imperii v gody Velikoy voyny i revolyutsii: Sb. statey* [Cities of the Empire during the Great War and Revolution: Coll. of articles], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, 502 p.
- Narskiy, I.V. (2001), *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the Urals in 1917–1922], ROSSPEN, Moscow, Russia, 633 p.
- Nekrylova, A.F. (1988), *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha* [Russian folk city holidays, amusements and shows], Iskusstvo, Moscow, Russia, 213 p.
- Phillips, L.L. (2000), *Bolsheviks and the Bottle: Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900–1929*, Northern Illinois UP, DeKalb, USA, 212 p.
- Russkaya revolyutsiya 1917 g.: vlast', obshchestvo, kul'tura: v 2 t.* (2017) [The Russian Revolution of 1917: power, society, culture: in 2 vol.], ROSSPEN, Moscow, Russia, 743 p.
- Schliipmann, H. (1992), “From Patriarchal Violence to the Aesthetics of Death. Russian Cinema 1909–1919”, *Cinefocus*, Vol. 2, № 2.
- Steinberg, M.D. & S.P. Frank (1994), *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*, Princeton UP, Princeton, USA, 224 p.
- Swift, E.A. (2002), *Popular Theatre and Society Tsarist Russia*, University of California Press, Berkeley, USA, 346 p.
- Tsiv'yan, Yu.G. (1991), *Istoricheskaya retseptsiya kino: Kinematograf v Rossii, 1896–1930* [Historical reception of the cinema: Cinematography in Russia, 1896–1930], Zinatne, Riga, Latvia, 492 p.
- Tsiv'yan, Yu.G. (2010), *Na podstupakh k karpalistiche: dvizhenie i zhest v literature, iskusstve i kino* [On the approaches to carpalistics: movement and gesture in literature, art and cinema], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 336 p.
- Uvarova, E.D. (2004), *Kak razvlekalis' v rossiyskikh stolitsakh* [How to have fun in Russian capitals], Aleteyya, St. Petersburg, Russia, 280 p.
- Zorkaya, N.M. (1976), *Na rubezhe stoletiy: U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900–1910 gg.* [At the turn of the century: At the origins of mass art in Russia 1900–1910], Nauka, Moscow, Russia, 297 p.